

предложение — именовать памятник чешской церковной историей. Главное в этой полемике, разумеется, не терминология, а вопрос о структуре сочинения Кристиана. Действительно, говорить о нем как о хронике в прямом смысле слова нельзя. К определенному году (929) приурочена только смерть князя Вацлава, в первых же двух главах, где повествуется о Великой Моравии и деятельности Константина и Мефодия, точных дат нет вообще. Мысль Кристиана ограничена агиографическими рамками, но его труд — не обычное житие; к нему больше всего подходит обозначение «*Conversio Moraviae et Bohemiae*» («Обращение в христианство Моравии и Чехии»). Это напоминает нам один из источников, который называет в своей Хронике Козьма («*Epilogus Moraviae et Bohemiae*»). Замечу кстати, что, по весьма убедительному мнению Людвиковского, крупнейшего современного знатока проблемы Кристиана и ранней чешско-латинской литературы вообще, Козьма в данном случае действительно подразумевал труд Кристиана.

Чрезвычайно похож на сочинение Кристиана гипотетический Древнейший Киевский летописный свод, ядром которого было повествование о княжении Владимира и который по аналогии можно назвать «Обращение в христианство Руси». Я не собираюсь заниматься выискиванием параллелей; главное — в разработке проблем, с которыми снова и снова вынуждена встречаться наука. Русским исследователям приходится выяснять отношение ПВЛ к византийской историографии. Н. К. Никольский, например, подчеркнул, что киевская летопись по своей структуре существенно отличается от византийских всемирных хроник. Другой вопрос касается происхождения анналистической основы ПВЛ. Д. С. Лихачев, как и М. И. Сухомлинов, усматривает здесь влияние пасхалии,²⁹ в то время как В. М. Истрин, несмотря на все контраргументы Н. К. Никольского, возводит эту основу к византийской историографии. Мне кажется, что ссылка на пасхалию недостаточно убедительна, поскольку сходство носит в известной мере негативный характер — годы без событий. Такие же «пустые» годы находим и у Козьмы, причем совершенно не обязательно объяснять их примером пасхальных таблиц: просто у хрониста не было материала для заполнения хронологической рамки.

Не считая себя достаточно компетентным, чтобы судить о концепции В. М. Истрина в целом, я все же не могу не отметить, что некоторые его аргументы звучат довольно убедительно. Сходство между ПВЛ и Козьмой состоит также в том, что рассказы без определенного хронологического приурочивания сменяются анналистикой в тот момент, когда национальная история соприкасается с историческими событиями, отмеченными анналистикой или хронографией соседних стран. Козьма вводит первую дату в рассказ о правлении Сватоплука, уже имея возможность опереться на баварские анналы; ПВЛ использовала византийскую историографию при датировке русских походов на Константинополь, начиная с 852 г.

Я попытаюсь объяснить возникновение даты 898 г. (6406), под которой «Сказание о преложении книг» включено в ПВЛ. В русской науке высказано чрезвычайно много догадок по поводу этой даты. Обзор и критика более ранних взглядов дана А. А. Шахматовым.³⁰ Помещение истории Кирилла и Мефодия под 898 г. — неудачное фактически: Мефодий умер в 885 г., поэтому отнесение рассказа о нем и еще раньше умершем брате его к 898 г. представляется явно запоздалым. Весьма нелегко пред-

²⁹ См.: *Повесть временных лет*, ч. II. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 87 и сл.

³⁰ А. А. Шахматов. Сказание о преложении книг на словенский язык, стр. 172.